

вопрос гигиены в концепции идеального города франции второй половины XVIII века

Е. О. КУДРЯШОВА

Независимый исследователь
Kate.kudryashova@gmail.com

EKATERINA O.
KUDRYASHOVA

Independent Researcher
Kate.kudryashova@gmail.com

Для цитирования: Кудряшова Е. О. Вопрос гигиены в концепции идеального города Франции второй половины XVIII века // Журнал ВШЭ по искусству и дизайну / HSE University Journal of Art & Design. № 7 (3/2025). С. 122–141

DOI: 10.17323/3034-2031-2025-7-122-141

Аннотация

Статья посвящена анализу влияния идей Просвещения, а именно представлений о гигиене населенных мест, как ключевого компонента концепции идеального города, на градостроительную и архитектурную мысль Франции второй половины XVIII века. В работе рассматриваются трактаты и проекты таких теоретиков и архитекторов как аббат Ложье, Пьер Патт, Этьенн-Луи Булле и Клод-Николя Леду. В центре внимания — их попытки синтезировать в проектировании городской среды научный подход, наблюдение за природой и моральную философию. В этот период предназначение архитектуры видится не только в обеспечении санитарной безопасности, но также и в воспитании граждан. Внимание к циркуляции воздуха, вынесение кладбищ и госпиталей за пределы городской черты, проектирование прямых и проветриваемых улиц, создание площадей и пространств открытого типа — все это имеет целью охрану здоровья горожан. Пересмотру подвергаются устоявшиеся архитектурные типы, такие как, например, больница, кладбище, церковь. Особенно показательным для второй половины XVIII века во Франции становится интерес к кенотафам — мемориальным сооружениям без могил, но насыщенным символическим и идеологическим содержанием. При этом многие прогрессивные идеи остаются на бумаге, архитектура идеального города оказывается утопической проекцией надежды на лучшее будущее.

Ключевые слова: Просвещение, Франция, гигиена, градостроительство, утопия, Леду, Булле

the question of hygiene in the concept of an ideal city of france in the second half of the 18th century

Abstract

The article presented to the reader is devoted to analyzing the influence of Enlightenment ideas on urban planning and architectural thought in France during the second half of the 18th century, viewed through the lens of hygiene as a key component of an ideal city. The study draws on the treatises and projects of theorists and architects such as Abbé Laugier, Pierre Patte, Étienne-Louis Boullée, and Claude-Nicolas Ledoux. The focus is on attempts to synthesize scientific approaches, observation of nature, and moral philosophy within the framework of urban design. Architecture is seen not only as a practical tool ensuring sanitary safety but also as a potential means of moral education. Emphasis on air circulation, the relocation of cemeteries and hospitals outside city limits, the design of straight, well-ventilated streets, and the creation of open squares and public spaces all aim to protect citizens' health. Traditional architectural typologies, such as the church, undergo revision. Particularly significant in the late 18th century France is an interest in the typology of cenotaphs — memorial structures free from the sanitary dangers of burial yet rich in symbolic and ideological meaning. Nonetheless, many of these progressive ideas remained unrealized, reflecting the dual nature of the age — a pursuit of rational understanding and transformation of the world, coupled with an acknowledgment of the inevitable limits of human will and action. The architecture of an ideal city ultimately becomes a utopian projection of hope for a better future.

Keywords: Enlightenment, France, hygiene, urban planning, utopia, Ledoux, Boullée

Введение

Середину и вторую половину XVIII века во Франции (и в Европе в целом) принято именовать «веком Просвещения» или «веком разума»: в это время формируется новое прочтение мира. Считалось, что знания складываются по мере разрастания числа фактов, которые берутся из жизни. Эта концепция разительно отличалась от идей мыслителей XVII века, которые верили в доопытное могущество разума. Для французских просветителей опыт наблюдения за миром становится основой, необходимым условием научного познания, без которого невозможно построить достоверную и логичную систему. Об этом, в частности, пишет Дени Дидро: «Понятия, не имеющие никакого основания в природе, можно сравнить с северными лесами, где деревья не имеют корней. Достаточно порыва ветра, достаточно незначительного факта, чтобы опрокинуть весь этот лес деревьев или идей» [Дидро, 1986, с. 337].

Наблюдения за природой становятся первой ступенью на пути познания мира. Следующий этап — необходимость изучить явления, определить условия, в которых они могут существовать. Философы эпохи Просвещения убеждены в том, что за любым явлением природы стоит ряд предпосылок. «В природе нет ничего неправильного. Всякая форма, прекрасная или безобразная, обоснована, и все, что существует, именно таково, каким оно должно быть» (курсив мой. — Е. К.), — пишет Дидро в самом начале «Опыта о живописи» [Дидро, 1946, с. 217]. «Все имеет свою причину», — говорит Вольтер [Вольтер, 1988, с. 290]. То есть для того, чтобы понять сущность того или иного явления, узнать, почему оно обрело именно ту форму, в которой перед нами предстает, необходимо разложить его и рассмотреть отдельные условия, благодаря которым оно существует. После этого мы можем собрать явление заново и таким образом прийти к его пониманию. Для мыслителей эпохи Просвещения человек не сможет познать мир таким, каков он есть на самом деле, если не будет следовать подобной схеме, а именно наблюдение — анализ — синтез [Кассирер, 2004, с. 25].

Искусство также стало рассматриваться в соответствии с утвердившейся моделью мышления. По мнению философов, главным объектом изучения для него должен стать окружающий мир. В своем «Опыте о живописи» Дидро призывает молодых художников отказаться от копирования произведений прошлого и вместо этого обратиться к реальности [Дидро, 1946, с. 217]. Отклонения от первичного опыта расцениваются как манерность, от которой нужно непременно избавиться. Художник в эпоху Просвещения не создает произведение, а извлекает его из природы и преобразует в материальную форму.

Но что эпоха Просвещения понимает под «природой»? В первую очередь — это источник всех знаний о мире. Важно, что в XVIII веке это понятие вмещает не только окружающий мир, но и самого человека, который воспринимается теперь как неотъемлемая часть природы. Он не просто объект познания, но ключ к разгадке ее сущности. Человек эпохи Просвещения отныне может и должен сам делать шаг навстречу знанию.

Обретает новое прочтение категория красоты: теперь она зависит от человека. Неслучайно в XVIII веке часто обращаются к эстетической категории вкуса. Вольтер в своем одноименном эссе дает этому понятию следующее определение: «чувствительность к прекрасному и уродливому в искусствах» [Вольтер, 1974, с. 267]. Здесь нам важно, что Вольтер вводит слово «чувствительность», которое открывает проблему воздействия искусства на зрителя: восприятие произведений должно строиться не только на доводах разума, но и на чувстве. Важно также, что и Вольтер, и другие философы этого времени, такие как, например, Дидро, Монтескье и Руссо, понимают вкус не как врожденное свойство человека, а как навык, который можно развить. К тому же, раз за разом французские мыслители в своих трудах связывают хороший вкус с нравственным воспитанием. «Вопрос не столь смешной, как кажется на первый взгляд: можно ли иметь верный вкус, когда сердце развращено?» — задает, скорее, риторический вопрос Дидро [Дидро, 1946, с. 539]. Все это приводит к тому, что искусство наделяется особой воспитательной ролью. Оно должно способствовать привитию хорошего вкуса и улучшению нравов.

Философам эпохи Просвещения важно научить человека верно мыслить, направить его. Во многом ради этого и создавалась знаменитая «Энциклопедия наук, искусств и ремесел» — чтобы показать на примере анализа различных понятий ход размышления. «Никогда не следует исчерпывать предмет до того, что уже ничего не остается на долю читателя; дело не в том, чтобы заставить его читать, а в том, чтобы заставить его думать», — пишет Монтескье [Монтескье, 1955, с. 316].

Подобная форма мышления также породила особый динамизм разума, который должен находиться в постоянном напряжении, чтобы познавать мир. Он превращается в своего рода вечный двигатель, который не остановится, пока не познает мир окончательно, что может никогда и не наступить. Эпоха Просвещения сосредоточена не на результате, а на процессе. Красноречиво в этом свете начинают звучать слова Дидро: «Я не обязан найти истину, но я обязан ее искать» [Дидро, 1980, с. 216]. XVIII век не нацелен на обладание всеми знаниями, он заинтересован в получении нескончаемого их потока, и при этом осознает, что ресурсы отдельной человеческой жизни ограничены. «Бренное существо не может проникнуть в бесконечность. Для того, чтобы доказать нам наше бессилие, достаточно самой малости», — пишет Вольтер в начале эссе «О феноменах природы» (1765) [Вольтер, 1988, с. 403]. Вольтер призывает своего читателя смириться с тем, что ему не дано постигнуть этот мир во всей полноте. Отсюда выходит и ориентированность XVIII века на будущее, в котором, как надеются мыслители, удастся развить философские концепции и осуществить многие проекты. Так, например, симптоматичный роман эпохи «Год 2440» писателя Луи-Себастьяна Мерсье описывает далекое будущее Парижа, в котором реализованы все градостроительные идеи XVIII века. Получается, что для Мерсье препятствием на пути к построению идеального города является не недостаток талантливых мастеров, не отсутствие разумных проектов, а эпоха, которая мешает их

реализации. Эпоха, создающая бесконечное число проектов, но обреченная так и не увидеть их реализации?

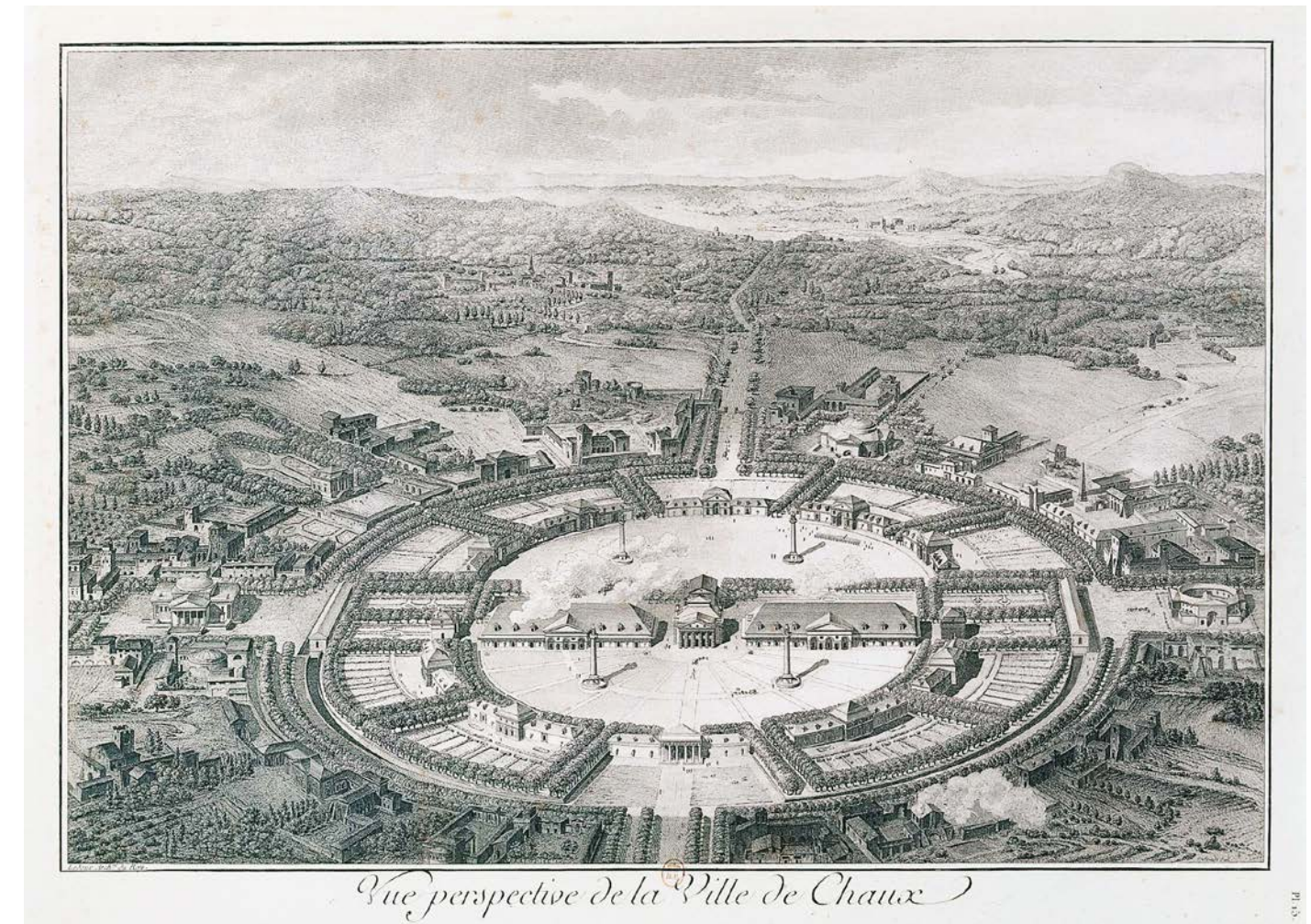
Невозможность воплотить идеи в настоящем побуждает человека эпохи Просвещения мечтать о светлом будущем, где все концепции, наконец, будут оценены по заслугам. Нам видится, что подобные перемены не могли не повлиять на видение города и его облика. Проанализируем, как отразилось новое мировоззрение на градостроительной теории и архитектурных проектах того времени, и выясним, подверглись ли пересмотру взаимоотношения города с его жителем, роль которого также претерпела ревизию.

Архитектурная теория во Франции эпохи Просвещения

В XVIII веке Франция сталкивается с градостроительными проблемами. Неудивительно, что они породили дискуссию на страницах архитектурных трактатов. Начнем с трудов Марка-Антуана Ложье, более известного как аббат Ложье, которого можно назвать одним из самых значительных теоретиков архитектуры второй половины XVIII века.

Ложье стал известен благодаря концепции «примитивной хижины» и мыслям об ордерной системе. Однако не только эти идеи встречаются в его сочинениях — «Эссе об архитектуре» (1753) и «Обозрении архитектуры» (1765). Он предлагает комплекс различных мер по облагораживанию французских городов. Среди упомянутых аббатом проблем и предложений для их решения в рамках этого исследования нас интересуют те, что так или иначе связаны со здоровьем населения. Так, Ложье беспокоит проблема застоя загрязненного воздуха в городском пространстве и способы его вентиляции: дело в том, что с середины XVIII века в научных кругах Франции развернулась дискуссия по вопросам гигиены городской среды. Она была вызвана беспокойством о состоянии здоровья населения. После многочисленных споров ученые остановились на том, что самочувствие человека напрямую зависит от чистоты воздуха, которым он дышит. В частности, доктор Гийом-Ламбер Годар в своем труде «Септикология» писал: «Воздух является нашим элементом. Мы подхватываем болезни, когда воздух, в котором мы живем, загрязнен или наполнен гнилостными испарениями» [Etlin, 1984, p. 16]. У Ложье эта тема также находит отражение. Предлагая различные меры по совершенствованию как архитектуры зданий, так и городской среды, Ложье зачастую руководствуется соображениями лучшей циркуляции воздуха в пространстве. Исходя из них он предлагает выносить госпитали за границы населенных пунктов, чтобы «свободно циркулирующий воздух развеял вредоносные испарения, которые они (госпитали) источают и защитил жителей города от отравления и заражения» [Laugier, 1765, p. 172].

Решение проблемы циркуляции воздуха в городской среде кроется для Ложье и в создании больших свободных пространств. В связи с этим особенно важным элементом городской планировки для аббата становится площадь: «Площади необходимы для городов для лучшей вентиляции...

Ил. 1

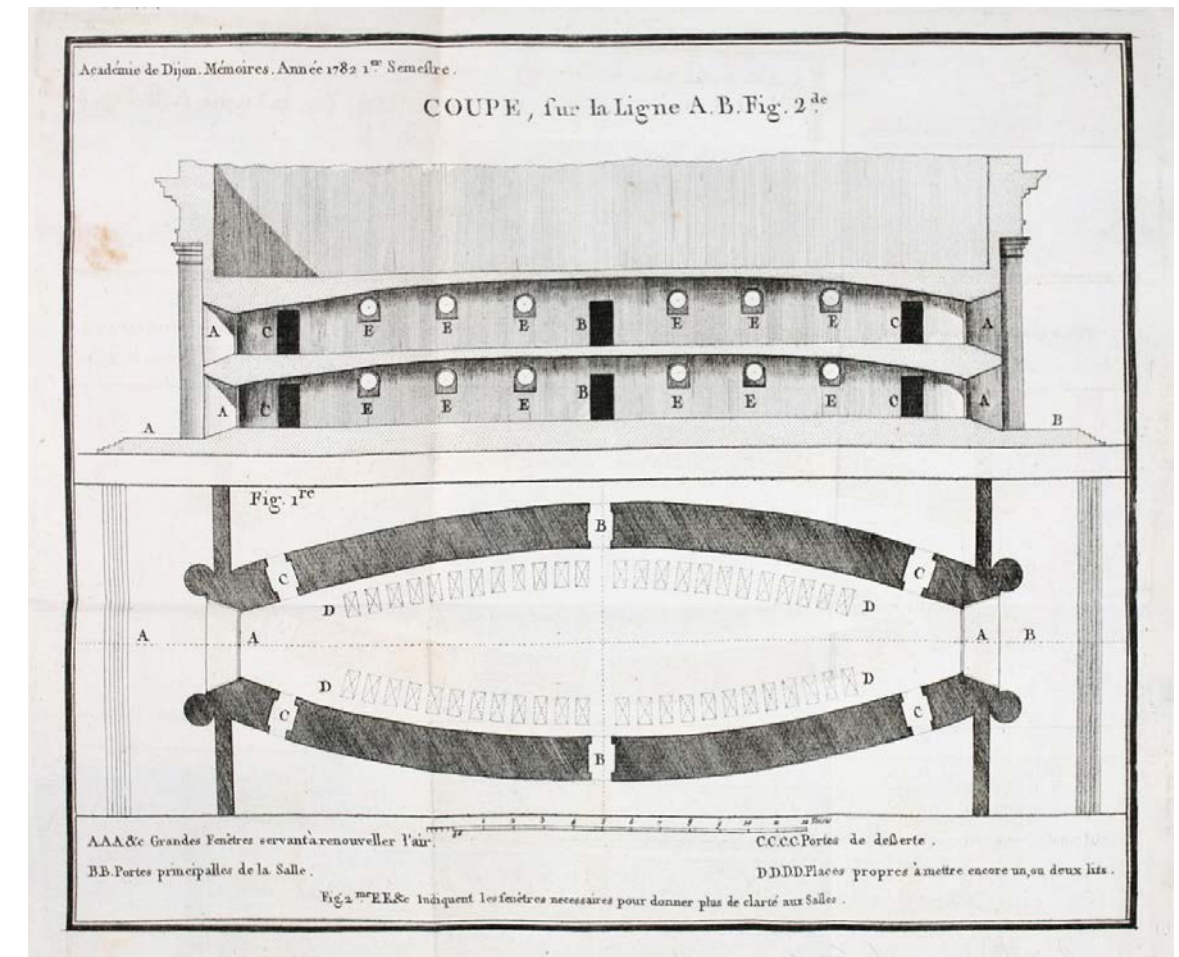
К.-Н. Леду. Проект идеального города Шо.
1773–1800-е. Оттиск на бумаге с офорта.
37 × 52,5 см. Национальная библиотека Франции,
Париж

для рассеивания сырости улиц и их вредоносных испарений», — пишет он в «Обозрении архитектуры» [Ibid, p. 168].

Еще один важный для второй половины XVIII века теоретик архитектуры — Пьер Патт, которого многие исследователи признают главным урбанистом своего времени [Саваренская, 2004, с. 89]. Градостроительные идеи Патта наилучшим образом изложены в труде «Исследования о наиболее важных объектах в архитектуре» (1769). Трактат представляет собой сборник технических заметок и напутствий начинающим архитекторам. Все основные идеи, касающиеся городского благоустройства, изложены в первой главе, где автор декларирует принцип, задающий тон всей его градостроительной теории: «Без устали мы заботились о величии и великолепии [городов], но никогда не пытались создать по-настоящему комфортные условия жизни для людей, чтобы сохранить им их жизни, здоровье, благополучие» [Patte, 1769, p. 5]. То есть Патт заявляет о том, что в градостроительстве приоритетом для него становятся потребности человека. Большое внимание он уделяет местности, на которой расположен город. Патт пишет, что о логистике и благоприятных санитарных условиях нужно подумать перед началом строительства, обязательно изучив климат местности, плодородность почв, наличие поблизости естественных источников воды и т.д. Из этих же соображений Патт предлагает вынести из городов госпитали, а также кладбища и все захоронения из храмов. Такое решение объясняется убежденностью в том, что они заражают городской воздух и воду.

Помимо идей Ложье и Патта для полноты картины мы должны обратиться к теоретическому наследию Э.-Л. Булле и К.-Н. Леду — вероятно, главных французских архитекторов эпохи Просвещения, апологетов «говорящей архитектуры». В конце XVIII столетия Э.-Л. Булле написал работу «Архитектура, эссе об искусстве», обнародованную лишь в начале XX века. Это небольшое по объему произведение, состоящее, в основном, из кратких пояснений автора к своим проектам. Здание, по мнению Булле, должно иметь соответствующий своему назначению внешний вид и оказывать эмоциональное воздействие на наблюдателя. Булле называет это «характером» архитектуры. У погребального памятника человек должен испытывать страх, перед дворцом правосудия — чувство безопасности, перед триумфальной аркой — гордость за отечество, и т.д. Городская архитектура, по мнению Булле, может привить населению хороший вкус и оказать благотворное влияние на его моральное воспитание. Эссе Булле содержит мысли, аналогичные тем, что звучали в трактатах Патта и Ложье, — та же забота о гигиене городской среды. Однако Булле гораздо больше внимания уделяет воздействию архитектуры на эмоции и представления людей.

Аналогичные мысли содержит и трактат «Архитектура, рассмотренная в отношении к искусству, нравам и законодательству» К.-Н. Леду. Работа над ним велась на протяжении нескольких десятилетий, начиная с 1773 года. Автор повторяет все то, что уже было изложено в ранее рассмотренных нами трудах. Так же, как Ложье и Патт, Леду озабочен расположением городов, поскольку от условий местности зависит здоровье

Ил. 2

Ж.-Ж. Суффло, Ю. Маре. Проект госпиталя. 1782.
Гравюра. Муниципальная библиотека Дижона

жителей (Ил. 1). «Первые наиважнейшие законы — это законы природы, это те законы, что обеспечивают благоприятную для здоровья среду жителям, основавшим свое благоденствие на предпочтенной ими земле» [Леду, 2003, с. 109]. Все городские постройки, по мнению Леду, должны быть общественно полезными и оказывать нравственное воспитательное воздействие. То есть идея Булле о способности архитектуры эмоционально влиять на человека здесь уже рассматривается как сама собой разумеющаяся.

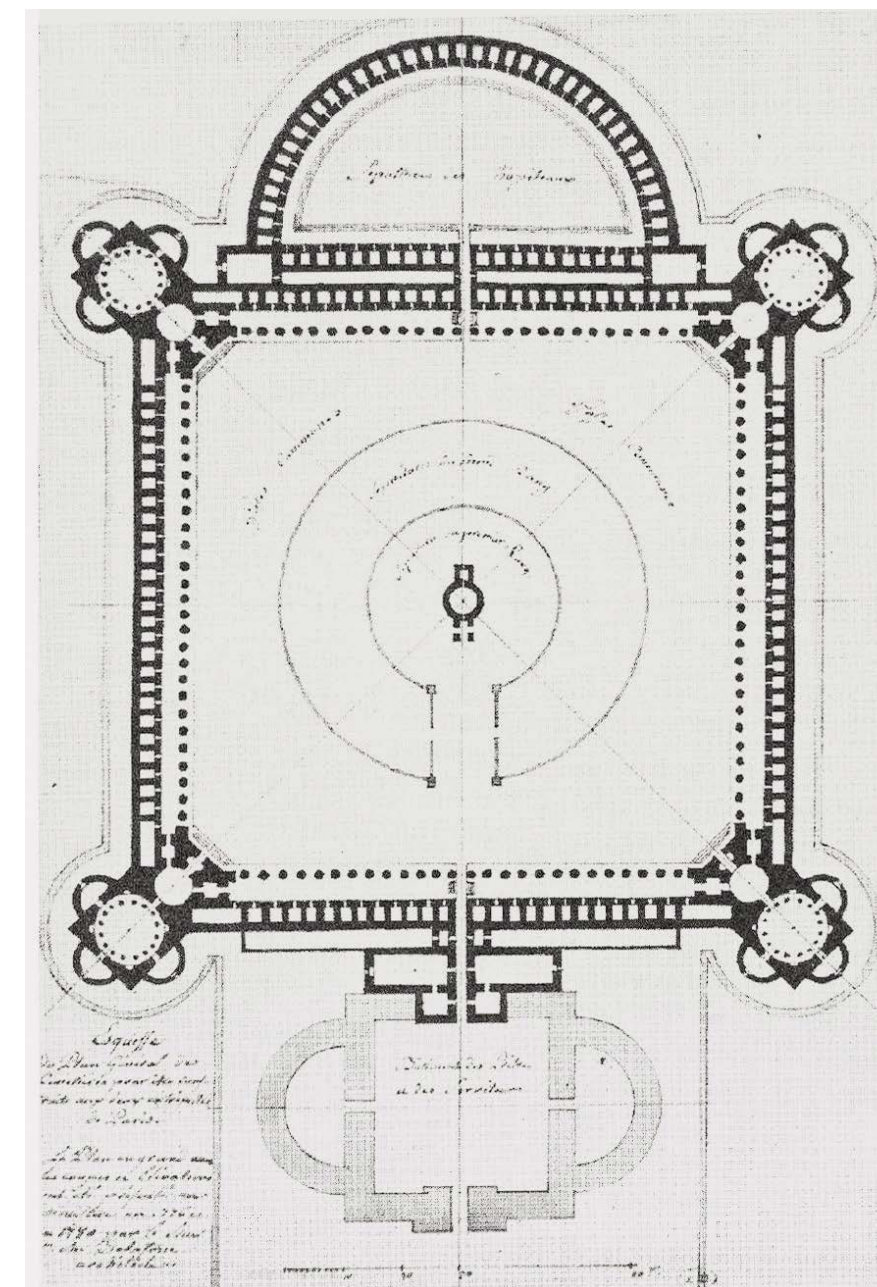
Основные труды эпохи Просвещения во Франции, связанные с этой темой, можно условно разделить на две категории: трактаты-практикумы с утилитарными советами (сочинения Ложье и Патта) и утопические сочинения, авторы которых больше озабочены проблемой воспитания граждан (Булле и Леду). И те и другие воспроизводят особенности мышления эпохи, а именно сочетают рациональный подход, попытку разложить проблему по схеме «наблюдение — анализ — синтез» с высокими, а иногда и возвышенными рассуждениями о воспитательной функции искусства.

В следующей части нашего исследования мы планируем рассмотреть, как все эти идеи воплощаются в градостроительных и архитектурных проектах эпохи Просвещения.

Архитектурные и градостроительные проекты. Госпиталь

Следуя идеям теоретиков, большинство архитекторов эпохи Просвещения сознательно не размещают госпитали в черте города из санитарных соображений. Но в отличие от авторов трактатов, которые этим ограничивались, архитекторы-практики разрабатывают и продумывают облик самого здания, так как считают, что место расположения само по себе не решает назревшую проблему. Поскольку вопрос имел научный характер, большинство проектов архитекторов представлено в соавторстве с учеными и врачами-гигиенистами того времени. При разнообразии решений ясно одно — старая схема устройства больниц не удовлетворяет современным требованиям. Главные его недостатки — унифицированные неразделенные пространства, низкие потолки, плохо вентилируемые лестничные клетки и т.д.

Над новой концепцией госпиталя в числе прочих работает Жак-Жермен Суффло вместе с доктором Югом Маре (Ил. 2). В 1782 году они разрабатывают проект больницы, состоящей из нескольких отдельных павильонов, расположенных параллельно друг другу, которая должна разместиться в центре города. Каждый павильон в плане имеет форму эллипса. По обеим дугам эллипса располагаются воронкообразные окна, через которые осуществляется циркуляция воздуха и проникает солнечный свет. Помимо главных входов, расположенных в вершинах эллипса по большой оси, Суффло на плане показывает по три прохода в другие помещения больницы. Все эти меры предприняты не случайно: Маре опытным путем пришел к выводу, что в помещениях госпиталей воздух «застывает» внизу, тогда как чистый поступает сверху. Поэтому, по его мнению, вертикальная вентиляция

Ил. 3

Ж.-Ш. Делафос. Проект кладбища. 1776.
Национальная библиотека Франции, Париж

помещений была малоэффективна. Взамен он предлагает горизонтальную циркуляцию, при которой воздух движается по эллиптической траектории. Отсюда и заявленная форма помещения, у которого отсутствуют углы, что предотвращает застой. Через окна-иллюминаторы и дополнительные проходы предполагается постоянное его обновление. Чтобы облегчить этот процесс, Маре и Суффло предусмотрели даже мобильную мебель, которую можно выносить наружу во время проветривания.

Кладбище

Неподалеку от больниц часто располагают кладбища. Их негативное влияние на городскую гигиену упоминается в трактатах, и в итоге вынуждает мэрию Парижа принять постановление (от 21 мая 1765 года), запрещающее открывать подобные объекты в городе. Это событие становится поводом для архитекторов подумать над более безопасным устройством массовых захоронений. Одним из первых, кто откликнулся на этот запрос, становится П. Патт. Он создает проект кладбища в конце 1760-х годов: прямоугольное пространство, обнесенное по периметру высокой стеной с одним входом, оформленным портиком. В самом его центре располагается здание склепа, которое является входом в подземные галереи, разделенные решетками. На каждый такой отсек приходится погребение, расположенное в стене. Подобное решение снова мотивировано желанием защитить воздух и почву от заражения. В итоге получается очень скромная по своему художественному решению постройка, большей частью находящаяся под землей. Аналогичный проект разрабатывает Жан-Шарль Делафос в 1776 году (Ил. 3): его кладбище тоже имеет в плане прямоугольную форму с концентрической постройкой по центру. Но Делафос добавляет еще по одному павильону в каждом углу, а также экседру, примыкающую к стороне, параллельной входному портику. Павильоны, вероятно, служили в качестве капелл, а центральное здание было пространством для погребений представителей привилегированных слоев. Похожие решения встречаются и во многих других работах того времени: например в проекте Ж.-Ф. Нофоржа 1778 года, Ж.-Д. Антуана 1781–1782 годов или Капрона 1782 года.

На примере кладбищ мы можем проследить те же тенденции, что и в архитектуре больниц: при разнообразии решений, во всех проектах главным остается назначение постройки. Проекты нацелены на решение насущной проблемы — улучшение санитарной обстановки в городе. Отсюда пренебрежение декором и использование, в основном, простых в плане форм.

Иначе ситуация складывается в практике возведения кенотафов — памятников на символических могилах без погребений, — получившей широкое распространение в это время. Обращение к подобным постройкам обусловлено стремлением заменить захоронения в черте города коммеморативными объектами. Они проектировались только для политически значимых лиц и были призваны служить патриотическому воспитанию граждан и прославлению государства, чем объясняется размах и пафос,

Ил. 4

Л. Булле. Кенотаф в египетском стиле. 1785.
Национальная библиотека Франции, Париж

Ил. 5

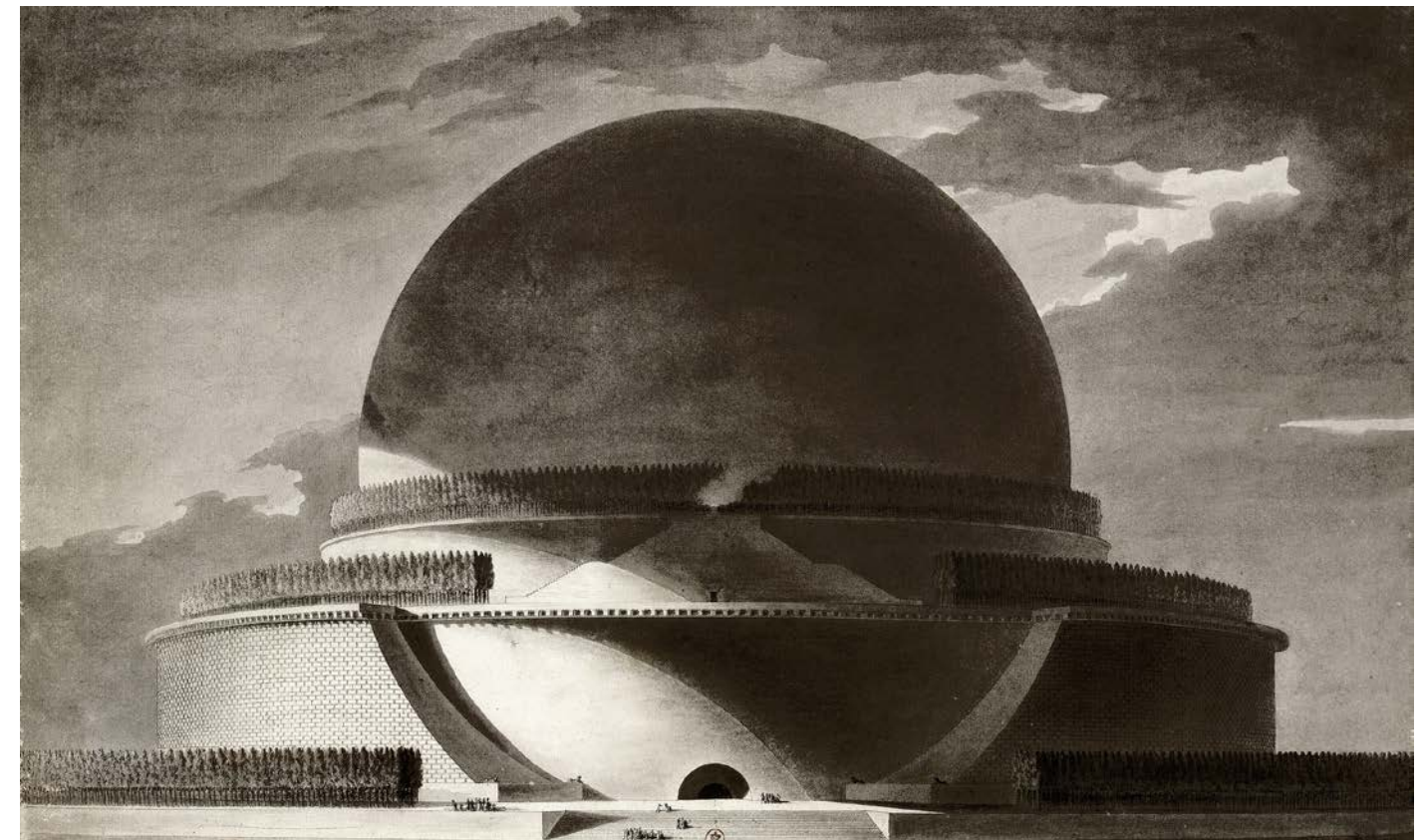
Э.-Л. Булле. Кенотаф Тюренна. Ок. 1785. Бумага.
Национальная библиотека Франции, Париж

им присущие. В качестве основной формы для таких проектов как правило избирается пирамида. Большую роль в популяризации этой формы в XVIII веке сыграли гравюры Д.-Б. Пиранези и Ж. Барбо. Она служит в качестве «подсказки», позволяющей зрителю сразу же определить назначение памятника.

Главным адептом пирамидальных кенотафов во второй половине XVIII века становится Э.-Л. Булле. Он создает целую серию подобных погребальных монументов. Некоторые проекты представляют собой отдельно стоящие пирамиды, например, кенотаф в египетском стиле 1785 года (Ил. 4), погребальный памятник кенотафа Тюренна (оба примерно 1785) (Ил. 5). Булле также разрабатывает проект целого комплекса из девяти кенотафов, в котором одна пирамида располагается в центре, а еще восемь, в египетском стиле, равноудалены от нее и, тем самым, образуют вокруг главной пространственное кольцо. Во всех этих произведениях пирамида появляется как абсолютная стерильная форма, лишенная всяческого декора, потому что для Булле важно придать любой архитектуре «характер». Вид погребальных сооружений должен, по мнению архитектора, пробуждать в наблюдателе меланхолию, а отсюда и стремление к строгой форме с гладкими поверхностями и без лишних деталей. Для своих построек Булле выбирал материал, поглощающий свет, чтобы они казались темными. К тому же они должны отбрасывать глубокие тени, а что как не объект со множеством граней может дать подобный результат.

Пирамиды встречаются и в работах других архитекторов того времени, например, у Пьера Фонтена для Римской премии по архитектуре в 1785 года (Ил. 6). Его проект надгробного монумента состоит из большой усеченной пирамиды, помещенной в центр кольца, образованного аркадой и восемью пирамидами меньшего размера. Главная увенчана скульптурами всадников, расставленных по кругу, и фигурой богини Судьбы со скипетром в руках. Внутри же большая пирамида скрывает зал, перекрытый куполом. Интересен проект кенотафа в честь погибших первооткрывателей, созданный архитектором Дюманне в 1788 году: он представляет собой открытую подковообразную постройку, которую венчают семь пирамид.

Мы видим, что наравне с пирамидой в подобных монументах в разных вариациях используются и такие фигуры как круг или сфера. И это не случайное совпадение: кенотафы сферической формы также приобретают широкое распространение. Здесь следует снова вспомнить о Булле и о его проекте кенотафа Ньютону 1784 года (Ил. 7). Снаружи строение представляет собой колоссального размера сферу, покоящуюся на фундаменте/цоколе в форме цилиндра, разомкнутого в месте расположения входа. Внутреннее пространство оставлено пустым. Булле также задумал небольшие отверстия в куполе для солнечного света, благодаря которым создается эффект звездного неба. Сфера становится архитектурным воплощением идеи бесконечности вселенной. Примечательно, что центром внутреннего пространства становится саркофаг — символ величия человеческого разума, опоры, «якоря» в этой бесконечности. Так кенотаф Ньютона, изначально

Ил. 6

П. Фонтен. Надгробный монумент. 1785. Бумага, тушь. 76,5 × 275 см. Школа изящных искусств, Париж

Ил. 7

Э.-Л. Булле. Кенотаф Ньютону. 1784. Бумага. Национальная библиотека Франции, Париж

задуманный как мемориальный монумент великому ученому, становится памятником, прославляющим человеческий разум.

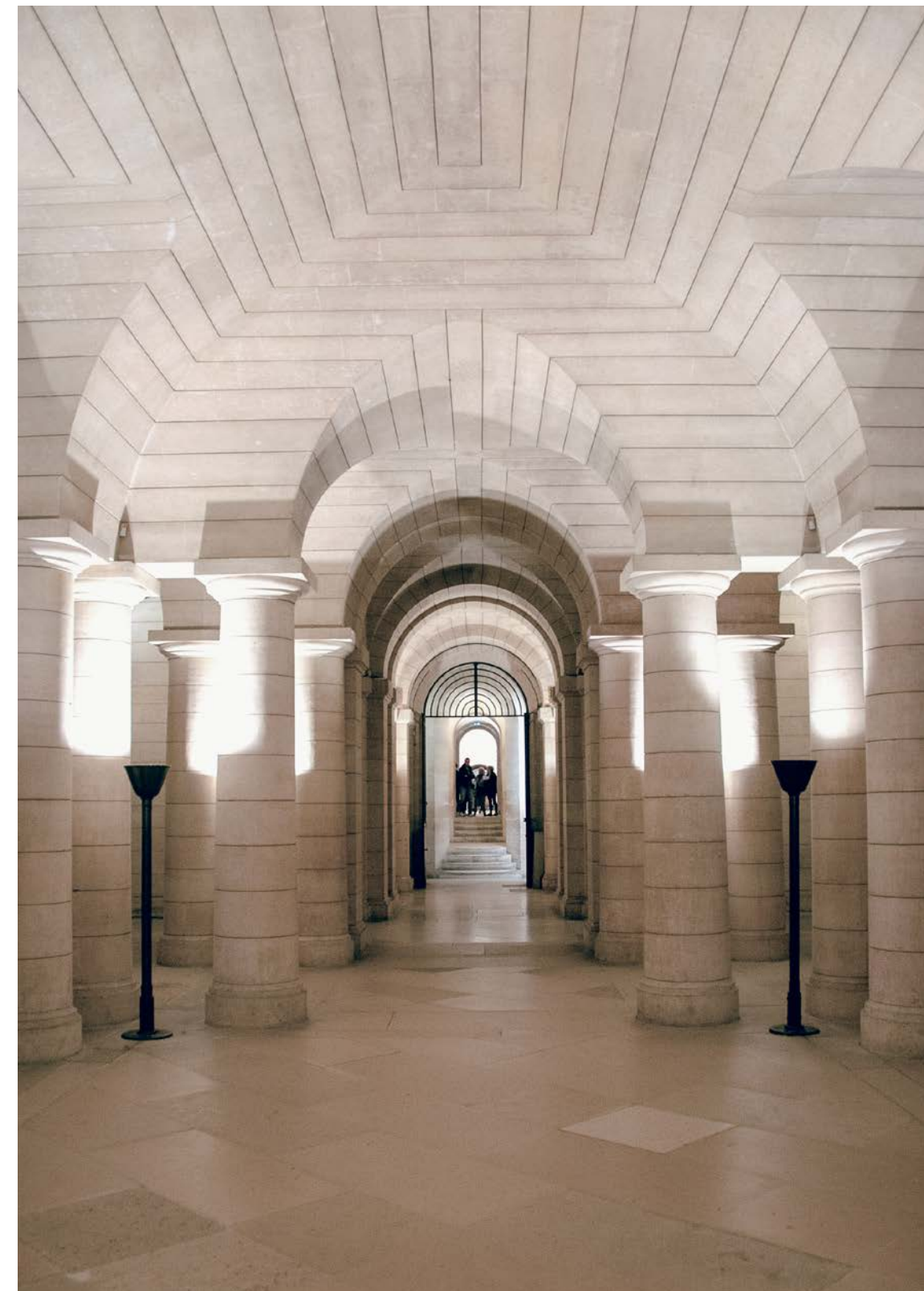
Церковь

Стремление обеспечить необходимые санитарные условия в городе оказало влияние не только на устройство больниц и кладбищ, но и на церковную архитектуру. Так, большой критике подвергаются захоронения в церквях. Подобные убеждения приводят в конечном итоге к архитектурному «разрыву» церемониальных процессий, связанных с жизнью и смертью, в пространстве храма.

Начинается все с проектов крипты для церкви Святой Женевиевы Ж.-Ж. Суффло (Ил. 8). Архитектор добавляет ее в план храма 1758 года: поначалу она представляет собой небольшую комнату прямо под алтарем. Однако уже в плане 1764 года крипта значительно увеличивается в размерах и занимает теперь все пространство под восточным рукавом креста. Спуск в крипту осуществляется по двум лестницам, расположенным в средокрестии. Место спуска отмечено скульптурной группой четырех главных добродетелей на высоком круглом пьедестале. Сама крипта становится более аскетичной: Суффло применяет тосканский ордер вместо дорического, отказывается от декора и покрывает все поверхности от колонн до перекрытий рустом.

Еще дальше идут Ж.-Ф. Блондель и К.-Н. Леду. Оба архитектора предполагают конструктивно разделить церковные процессии, связанные с двумя главными событиями человеческой жизни: рождением (крещение) и смертью (отпевание). Блондель считает, что в церкви позволительны только захоронения священников, служивших в ней. Разместить же их он предлагает в отдельных капеллах, расположенных под трансептом и алтарем. Вход в них осуществлялся бы со стороны трансепта. Таким образом, посетители могли бы посещать могилы священников, а прочая жизнь церкви шла бы своим чередом. Подобные идеи он вкладывает в проект церкви 1766 года.

Около 1785 года Леду для церкви в городе Шо (Ил. 9) разрабатывает схему помещения, в котором можно одновременно проводить разные обряды и, по сути, создает два полноценных храма в одном. В плане постройка представляет собой равноконечный крест, причем с каждой стороны обозначены входы. Леду считает, что ритуалы, связанные с празднованием жизни (крещение, свадьба), должны проходить через продольную ось креста, начинаясь на западе и заканчиваясь на востоке, откуда осуществляется выход из церкви. Похоронные же процессии должны были бы следовать по поперечной оси, причем прихожанин, вошедший с северной или южной стороны, мог бы сразу спуститься на уровень ниже, в крипту. Таким образом, церемонии могут проходить в одно и то же время и никак не соприкасаться. Разграничение оформляется и при помощи ордера: для наземной церкви избирается «праздничный» ионический, для подземной — строгий дорический.

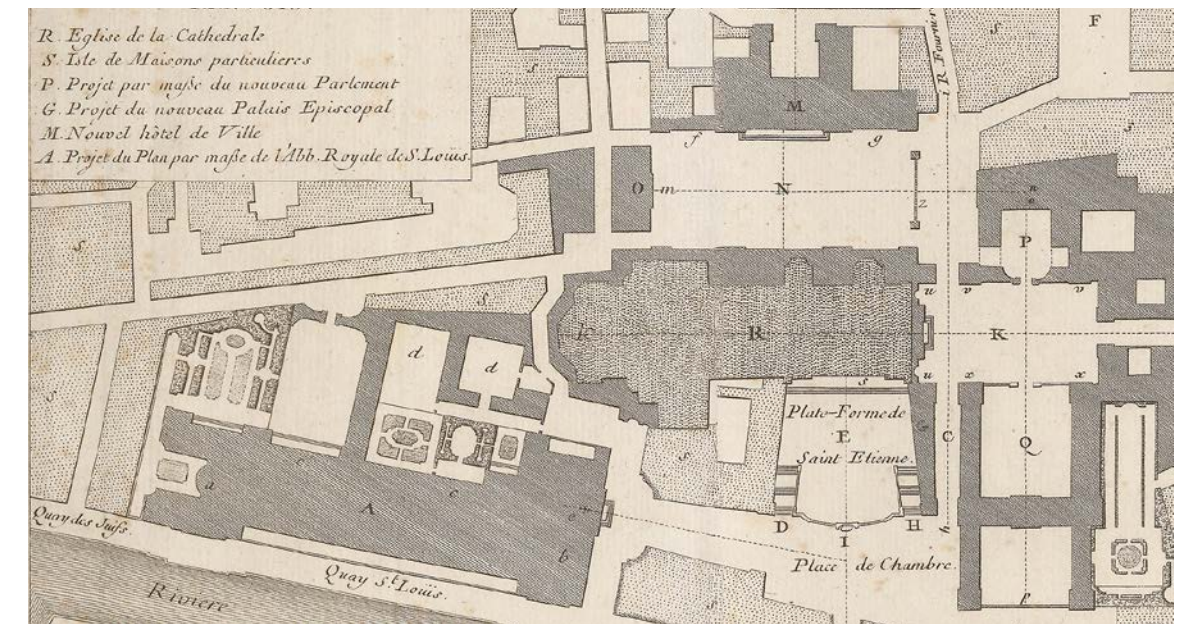
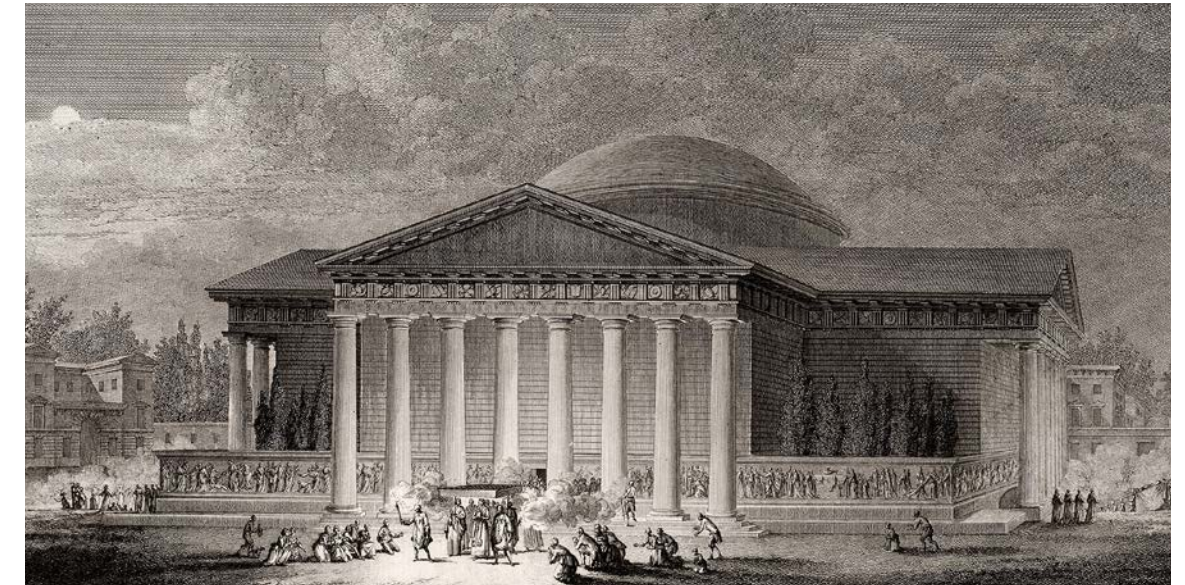
Ил. 8
Ж.-Ж. Суффло. Крипта церкви Святой Женевиевы.
1764. Париж. Современный вид

Градостроительные проекты

Пространственные проекты эпохи затрагивают в основном площади и улицы. Новая площадь представляет собой незамкнутое пространство, оно связано с прилегающими улицами и выходит одной (или несколькими) из своих сторон на другое открытое пространство — например, реку с набережной или другую площадь (проект комплекса площадей в городе Мец (1764–1766) Ж.-Ф. Блонделя (Ил. 10); конкурсные проекты площадей 1748–1753 годов на размещение конной статуи Людовика XV скульптора Бушардона). Улицы являются главными городскими осями, они проектируются прямыми, широкими, со сплошной фасадной застройкой, причем высота зданий не должна была превышать в идеале двух этажей. Считалось, что отсутствие пустырей, а также острых углов не позволит скапливаться грязному воздуху. Такие улицы мы можем увидеть в проекте Блонделя для города Мец, а также в его плане по перестройке кварталов Страсбурга 1765 года. Там он выпрямляет и расширяет их, подводя к площадям под прямым углом и добиваясь перпендикулярного пересечения друг с другом.

Заключение

Проанализировав французские архитектурные трактаты и проекты эпохи Просвещения, мы можем ответить на вопрос, который был поставлен в начале, а именно: каким видят город в это время ученые и архитекторы и как выстраиваются его отношения с жителем? Нам видится, что для большинства градостроительных теорий и проектов одной из насущных задач становится обеспечение безопасных условий для здоровья жителей, важной проблемой является вопрос гигиены городской среды. Ряд архитектурных типов, таких как кладбища и госпитали, переосмысляются, им отводится место за пределами города. Появляются проекты площадей и улиц, облегчающие циркуляцию воздуха в городе. Как следствие, подобные тенденции сказываются и на некоторых архитектурных типах, например, на облике и решении внутреннего пространства церкви. Развитие и популярность получают кенотафы, номинальные захоронения, которые выполняют воспитательную функцию (через прославление важных для государства фигур), а также являются безопасной заменой традиционных погребений. Симптоматично при этом, что все эти идеи и проекты, в большинстве своем подкрепленные научными изысканиями и предлагающие конкретные практические решения, так и не были воплощены.

Ил. 9

К.-Н. Леду. Церковь города Шо. Ок. 1785. Оттиск на бумаге с офорта. Национальная библиотека Франции, Париж

Ил. 10

Ж.-Ф. Блондель. Проект площадей в городе Мец. 1764–1766. Национальная библиотека Франции, Париж

Библиография

- Вольтер (1974).** *Эстетика. Статьи. Письма* / вступ. ст. и комм. В. Я. Бахмутского. М.: Искусство.
- Вольтер (1988).** *Философские сочинения* / под ред. В. Н. Кузнецова. М.: Наука.
- Дидро, Д. (1946).** *Собрание сочинений*. Т. 6: *Искусство* / пер. под ред. Н. Жарковой. М.: ОГИЗ.
- Дидро, Д. (1986).** *Сочинения в 2-х томах* / пер. с франц.; сост., ред. вступ. ст. и прим. В. Н. Кузнецова. М.: Мысль.
- Кассирер, Э. (2004).** *Философия Просвещения*. М.: РОССПЭН.
- Мерсье, Л.-С. (1977).** *Год две тысячи четыреста сорок четвертый. Сон, которого, возможно, и не было* / пер. с фр. СПб.: Наука.
- Монтескье, Ш. (1955).** *Избранные произведения*. М.: Госполитиздат.
- Рабро, Д. (2006).** *Клод-Николя Леду: архитектура и летопись времени*: В 3 т. / пер. с франц. О. Махнева-Барабанова. Екатеринбург: Архитектон.
- Руссо, Ж.-Ж. (1961).** *Избранные сочинения*. Т. 1 / под ред. Н. Хуцишвили. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Руссо, Ж.-Ж. (1961).** *Эмиль, или о воспитании*. М.: Гослитиздат.
- Саваренская, Т. Ф. (2004).** *Градостроительная культура Франции XVII–XVIII веков*. М.: УРСС.
- Boullée, E.-L. (1976).** *Architecture, Essay on art* // Rosenau H. Boullée and visionary architecture. London: Academy Editions; New York: Harmony Books.
- Braham, A. (1989).** *The architecture of the French Enlightenment*. London: Thames and Hudson.
- Etlin, R. (1977).** *L'air dans l'urbanisme des Lumières* // Dix-huitième siècle, no. 9. Pp. 123–134.
- Etlin, R. (1984).** *The architecture of death: the transformation of the cemetery in the eighteenth-century Paris*. Cambridge: The Massachusetts Institute of Technology.
- Hautecoeur, L. (1952).** *Histoire de l'architecture classique en France: seconde moitié du XVIII siècle, le style Louis XVI (1750–1792)*. Tome IV. Paris: Picard.
- Kaufmann, E. (1952).** *Three revolutionary architects: Boullée, Ledoux and Lequeu*. Transactions of the American Philosophical Society. New Series. Vol. 42, Part 3. Philadelphia.
- Kaufmann, E. (1955).** *The architecture of the age of Reason*. Cambridge: Harvard University Press.
- Laugier, M.-A. (1753).** *Essai sur l'architecture*. Paris.
- Laugier, M.-A. (1765).** *Observations sur l'architecture*. Paris.
- Lauro, M. (2017).** *Charles-François Viel, architecte des hôpitaux parisiens et théoricien à la fin du XVIIIe siècle* // In Situ [En ligne], 31. Paris.
- Patte, P. (1769).** *Mémoires sur les objets les plus importants de l'architecture*. Paris.
- Pérouse de Montclos, J.-M. (1984).** *Les prix de Rome: concours de l'académie royale d'architecture au XVIII siècle*. Paris: Berger-Levrault.
- Rosenau, H. (1959).** *The ideal city in its architectural evolution*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Stoloff, B. (1977).** *L'affaire Claude-Nicolas Ledoux: autopsie d'un mythe*. Bruxelles: Mardaga.

Список иллюстраций

- Ил. 1.** К.-Н. Леду. Проект идеального города Шо. 1773–1800-е. Оттиск на бумаге с офорта. 37 × 52,5 см. Национальная библиотека Франции, Париж. Альбом трактата «Архитектура, рассмотренная в отношении к искусству, нравам и законодательству». Источник изображения — URL: <https://essentiels.bnf.fr/fr/image/009c3efa-9aa1-4474-96cb-d78425f1568b-vue-perspective-la-ville-chaux-5> (дата обращения: 24.06.2025)
- Ил. 2.** Ж.-Ж. Суффло, Ю. Маре. Проект госпиталя. 1782. Гравюра. Муниципальная библиотека Дижона. Источник изображения — URL: <https://www.biodiversitylibrary.org/item/24805#page/268/mode/1up> (дата обращения: 24.06.2025)
- Ил. 3.** Ж.-Ш. Делафос. Проект кладбища. 1776. Национальная библиотека Франции, Париж. Источник изображения — URL: https://www.academia.edu/51140553/Islands_investigations_into_the_urban_dimension_of_the_cemetery_and_the_spatio_political_scope_of_death_in_the_contemporary_city (дата обращения: 07.06.2025)
- Ил. 4.** Э.-Л. Булле. Кенотаф в египетском стиле. 1785. Национальная библиотека Франции, Париж. Источник изображения — URL: <https://essentiels.bnf.fr/fr/article/185ff6b1-04e9-4bb9-9b03-7748eec386a0-utopie-et-ideal-dans-art-etienne-louis-boullée> (дата обращения: 24.06.2025)
- Ил. 5.** Э.-Л. Булле. Кенотаф Тюренна. Бумага. Ок. 1785. Национальная библиотека Франции, Париж. Источник изображения — URL: <https://essentiels.bnf.fr/fr/article/a3e515c1-f9fc-4b02-94e7-c319ab1b3fde-architecture-funeraire-etienne-louis-boullée> (дата обращения: 08.06.2025)
- Ил. 6.** П. Фонтен. Надгробный монумент. 1785. Бумага, тушь. 76,5 × 275 см. Школа изящных искусств, Париж. Источник изображения — URL: <https://catzarts.beauxartsparis.fr/fr/notice/prg-107-2-coupe-d-un-monument-sepulcral-pour-des-souverains-avec-elevation-de-la-pyramide-centrale-4ebd4b2a-767f-458d-87af-b08d70ca2a14> (дата обращения: 10.06.2025)
- Ил. 7.** Э.-Л. Булле. Кенотаф Ньютону. 1784. Бумага. Национальная библиотека Франции, Париж. Источник изображения — URL: <https://essentiels.bnf.fr/fr/image-explorer/4d268df3-bdc3-41a9-a302-5830470f812c-elevation> (дата обращения: 24.06.2025)
- Ил. 8.** Ж.-Ж. Суффло. Крипта церкви Святой Женевьевы. 1764. Париж. Современный вид. Источник изображения — URL: https://unsplash.com/photos/a-very-long-hallway-with-some-lights-on-either-side-of-it-kqDPglqyT0c?utm_content=creditShareLink&utm_medium=referral&utm_source=unsplash (дата обращения: 09.06.2025)
- Ил. 9.** К.-Н. Леду. Церковь города Шо. Ок. 1785. Оттиск на бумаге с офорта. Национальная библиотека Франции, Париж. Источник изображения — URL: <https://essentiels.bnf.fr/fr/image/d247c0b9-cb94-44bc-8460-5c8113434499-vue-perspective-leglise-chaux> (дата обращения: 09.06.2025)
- Ил. 10.** Ж.-Ф. Блондель. Проект площадей в городе Мец. 1764–1766. Национальная библиотека Франции, Париж. Источник изображения — URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Metz_en_1764_-_Cours_d%27architecture_Blondel_Jacques-François.jpg (дата обращения: 09.06.2025)

References

- Boullée, Étienne-Louis (1976).** *Architecture, Essay on art* // Rosenau H. Boullée and visionary architecture, 1976. London: Academy Editions; New York: Harmony Books.
- Braham, Allan (1989).** *The architecture of the French Enlightenment*. London: Thames and Hudson.
- Cassirer, Erns (2004).** *The Philosophy of the Enlightenment*. Moscow: ROSSPEN. [In Russ.]
- Diderot, Denis (1946).** *Collected Works*. Т. 6: art / transl. edited by N. Zharkova. М.: OGIZ. [In Russ.]
- Diderot, Denis (1986).** *Works in 2 volumes* / transl. from French. Article and notes by V. N. Kuznetsov. Moscow: Mysl. [In Russ.]
- Etlin, Richard (1977).** *L'air dans l'urbanisme des Lumières* // Dix-huitième siècle, no. 9. Pp. 123–134.
- Etlin, Richard (1984).** *The architecture of death: the transformation of the cemetery in the eighteenth-century Paris*. The Massachusetts Institute of Technology.
- Hautecoeur, Louis (1952).** *Histoire de l'architecture classique en France: seconde moitié du XVIII siècle, le style Louis XVI (1750–1792)*. Tome IV. Paris.
- Kaufmann, Emil (1952).** *Three revolutionary architects: Boullée, Ledoux and Lequeu*. Philadelphia.
- Kaufmann, Emil (1955).** *The architecture of the age of Reason*. Harvard.
- Laugier, Marc-Antoine (1753).** *Essai sur l'architecture*. Paris.
- Laugier, Marc-Antoine (1765).** *Observations sur l'architecture*. Paris.
- Lauro, Marc (2017).** *Charles-François Viel, architecte des hôpitaux parisiens et théoricien à la fin du XVIIIe siècle* // In Situ [En ligne], 31. Paris.
- Mercier, Louis-Sebastien (1977).** *The Year Two Thousand Four Hundred and Forty-Four. A Dream That Perhaps Never Was* / trans. from French. St. Petersburg: Nauka. [In Russ.]
- Montesquieu, Charles (1955).** *Selected works*. М.: Gospolitizdat. [In Russ.]
- Patte, Pierre (1769).** *Mémoires sur les objets les plus importants de l'architecture*. Paris.
- Pérouse de Montclos, Jean-Marie (1984).** *Les prix de Rome: concours de l'académie royale d'architecture au XVIII siècle*. Paris: Berger-Levrault.
- Rabro, Daniel (2006).** *Claude-Nicolas Ledoux: Architecture and the Chronicle*. In 3 volumes / transl. from French by Olaga Makhneeva-Barabanova. Ekaterinburg: Architekton. [In Russ.]
- Rosenau, Helen (1959).** *The ideal city in its architectural evolution*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Russo, Jean-Jacques (1961).** *Emile, or about education*. Moscow: Goslitizdat. [In Russ.]
- Russo, Jean-Jacques (1961).** *Selected Works*. Vol. 1 / edited by Khutsishvili N. М.: State Publishing House of Fiction. [In Russ.]
- Savarenskaya, Tatiana (2004).** *The urban planning culture of 17th-18th century France*. Moscow: URSS. [In Russ.]
- Stoloff, Bernard (1977).** *L'affaire Claude-Nicolas Ledoux: autopsie d'un mythe*. Bruxelles: Mardaga.
- Voltaire (1974).** *Aesthetics. Articles*. Letters / introduction and commentary by V. Bakhmutsky. Moscow: Iskusstvo. [In Russ.]
- Voltaire (1988).** *Philosophical Works* / Edited by V. N. Kuznetsov. Moscow: Nauka. [In Russ.]